

В.В. Смирнова

КОММЕНТАРИЙ КАК МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧЕНОЙ И НАРОДНОЙ КУЛЬТУР

(на материале “Книги чудес святой Фиды”
Бернара Анжерского)

СРЕДНЕВЕКОВАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

давно уже перестала быть “падчерицей” как исторических, так и филологических исследований. Ее больше не называют ни “наивной”, ни “примитивной”, ни “грубой”, ни “поверхностной”. Народной религиозности посвящено множество работ. Вниманием к простецам никого не удивишь. Однако до сих пор остается актуальной проблема четкого определения “народной” культуры. Какой текст, какое произведение искусства следует к ней относить? В какой степени? Согласно каким критериям? Сегодня главная “проблема” средневековой народной культуры — как и почти 30 лет назад — в отсутствии ее ясного и недвусмысленного определения¹.

Решение этой проблемы выходит далеко за рамки данного исследования. Поэтому мы решили одновременно и упростить, и усложнить себе задачу: выбрав для анализа одно из тех произведений, где диалог ученой и народной культур выражен эксплицитно — самим автором текста — и отчетливо задан коммуникативной ситуацией. Кроме того, мы решили пойти в противоположном привычному направлении. Обычно изучается литература, популярно излагающая христианское учение, рассчитанная на понимание широкой аудитории. Это тексты, которые священники использовали в своей повседневной практике: ехемпра, покаянные книги, видения... Поскольку проповеднику был важен каждый слушатель, он волей-неволей старался говорить на понятном адресату языке, выбирать близкие ему образы и сюжеты, адаптировать сложные для его восприятия тексты. Соответственно, можно условно обозначить “вектор” данной коммуникативной ситуации — от ученой культуры к народной. Мы же ставим своей целью изучение обратного направления

движения социальных и культурных смыслов: от простецов — к образованным клирикам, от illitterati к litterati. И, как мы постараемся показать далее, именно комментарий играл в этом межкультурном диалоге ключевую роль; априори ученый жанр, как это ни парадоксально, был тем “рупором”, благодаря которому теперь мы можем слышать голоса “безмолвствующего”, неученого большинства.

Обозначим точнее интересующую нас коммуникативную ситуацию. В данной статье речь пойдет о чудесах, как о феномене, равно значимом и для ученой, и для народной религиозности. Чудеса популярных святых были своеобразной “горячей точкой” пересечения интересов и притязаний самых разных слоев средневекового общества. Ученым клирикам, так или иначе, приходилось сталкиваться с “простонародными” (близкими к мифологической, фольклорной, эпической, языческой традициям) рассказами о чудесах. Например, в рамках обязательного канонизационного расследования, личных изысканий или же обычной “профессиональной” деятельности, немислимой без наставления паствы на путь истинный. Соответственно, клирики должны были как-то реагировать на подобные рассказы: отвергнуть их как суеверия² либо принять — и сделать приемлемыми для ученой аудитории. Именно второй случай и будет нами рассмотрен в данной статье. И основной вопрос, который стоит перед нами, можно сформулировать следующим образом: каким именно образом ученая культура адаптирует элементы народной культуры?

В качестве основного материала для статьи нами была выбрана “Книга чудес святой Фиды”³ (“Liber miraculorum sancte Fidis”⁴). Книга была составлена схоластиком Бернаром Анжерским, учеником самого Фульберта Шартрского, в самом начале XI в. (предположительно между 1013 и 1020 гг.). Бернар много слышал о чудесах святой. Но они, будучи поистине исключительными, казались ему на тот момент “inanis fabulae commenta”⁵. Примечательно, что Бернар не раз характеризует чудеса св. Фиды при помощи эпитетов “необычное”, “неслыханное”. По отношению к чуду — факту по сути своей необычному — эти определения выглядят тавтологией. “Онтологически” чудеса св. Фиды не более удивительны, чем чудеса, скажем, св. Мартина или св. Бенедикта. С нашей точки зрения, “неслыханное” следует читать как “неприемлемое для ученой культуры”. Так,

Инициал "S" из "Книги чудес святой Фиды",
Шлештадтский кодекс

Золотая статуя святой Фиды
Деревянный каркас, золотые пластины,
драгоценные камни. Ок. 1000 г.
Конк-ан-Руэрг (Аверон), бывшая монастырская церковь
Сент Фуа, церковная сокровищница

Бернара волнует не то, что Фида может воскрешать из мертвых, а то, что она воскрешала животных... Так или иначе, Бернар решил отправиться в Конк, дабы лично изучить эти рассказы. Уже на месте он убедился в истинности даже самых невероятных, на первый взгляд, чудес. Написанную по итогам расследования книгу наш схоластик адресовал своему учителю: в письме, являющемся своеобразным предисловием, он обращается к Фульберту с просьбой поверить ему. Несмотря на всю необычность собранных рассказов, Бернар ручается в их истинности⁶.

В настоящей статье мы использовали издание 1897 г. под редакцией А. Буйе. В его основу лег кодекс из Шлештадта, объединяющий произведения XI–XIV вв.⁷ В кодексе, помимо "Чудес св. Фиды", содержатся также ее страсти, рассказ о перенесении ее мощей, два гимна, рассказ об основании приорства св. Фиды. "Книга чудес св. Фиды" в издании Буйе состоит из четырех частей (книг). Две принадлежат Бернару Анжерскому, две — анонимному монаху, который продолжил труд Бернара. Мы исследовали только произведение схоластика из Анжера.

В этом произведении, отметим еще раз, диалог между ученой культурой, представителем которой является Бернар, и народной культурой задан как самой коммуникативной ситуацией (книга Бернара появилась в результате изучения рассказов о чудесах, полученных из самых разных *устных* источников⁸), так и выражен эксплицитно. Бернар замечает, что чудеса св. Фиды распространяются простонародной молвой: “vulgarium fama celebrari videbantur”, — и это указывается как одна из причин, по которой изначально чудесам отказывалось в истинности⁹. Знаменитая статуя святой кажется ему, человеку ученому, чем-то вроде языческого идола¹⁰. Да и сама местность, где происходили чудеса, увы, не избилует образованными людьми¹¹.

О том, что вошедшие в “Книгу чудес св. Фиды” истории могли восприниматься современниками как сомнительные, наиболее ярко свидетельствует... сам Бернар. Он пишет целую главу (VII), где рассуждает именно о проблеме восприятия “современных” неслыханных чудес. В частности, он рассказывает о столкновении с неким жителем Анжера, который подверг его книгу сомнению: “*Est vobis notus quidam Bernardus, inquit, qui presenti anno rediens Conchis, vah! quot mendacia ibi de S. Fide scripta reliquit? Nam quomodo de oculis eradicatis et postea restauratis animalibusque resuscitatis ulla ratione poterit jam credi? Caetera signa, ut alios sanctos, et rara! sanctam Fidem aliquando fecisse audivi. Jumenta vero qua ratione, qua necessitate Deus resuscitarit?*”¹²

Итак, Бернар был озабочен тем, чтобы информация, полученная в ходе изучения народной молвы, была воспринята людьми учеными как “приемлемая”. Какими же способами он выполняет свою задачу? Прежде всего доказывает историчность повествования: указывается имя свидетеля, его социальный статус, те качества, которые позволяют ему авторитетно свидетельствовать (честность, религиозность); место, где произошло чудо. Приведу лишь один пример из множества: “*Igitur adhuc in pago Rotenico, ubi et beatissima virgo requiescat Fides, in vicinia vici Concacensis, presbiter quidam, Geraldus nomine, superstes habitat, qui habuit consanguinem ac in pontificali confirmatione filium, nomine Vuitbertus...*”¹³ Так начинается история самого, пожалуй, известного персонажа книги — Витберта, которому св. Фида вернула зрение после того, как у него были вырваны глаза. Благодаря Бернару мы знаем, где жил этот человек, кем были его родствен-

ники, чем он занимался. Более того, Бернар лично (!) общался с Витбертом и убедился в абсолютной правдивости его рассказа. И Витберт не является исключением. Столь же развернуто Бернар представляет почти всех персонажей своей книги. Примечательно, что многих из них А. Буйе удалось идентифицировать; это же можно сказать и об упомянутых в книге топонимах.

Но нас в гораздо большей степени будут интересовать другие способы доказательства истинности. В частности, *сравнение “неслыханных” чудес, совершенных Фидой, с чудесами Христа и с чудесами наиболее известных святых*. Бернар Анжерский весьма искусно выстраивает библейские и агиографические параллели. Например, в чуде о восстановлении зрения ослепленного Витберта он сравнивает птицу, которая унесла в пустыню вырванные глаза несчастного, с воронами Илии¹⁴, а сам факт восстановления зрения — с евангельским чудом исцеления слепого от рождения¹⁵. Воскрешение Фидой мула аналогично воскрешению быка св. Сильвестром. Древний, авторитетный прообраз Бернар считает более чем убедительным доказательством; тот, кого они не убедят, просто неуч, грубое животное¹⁶.

Далее, в отличие, скажем, от необычных природных феноменов, чудо значимо не столько тем, насколько оно выделяется на фоне представлений о норме, сколько своей “полезностью” в *утверждении морально-религиозных ценностей*. С какой целью Господь явил то или иное чудо и как оно может послужить в деле воспитания верующих — вот что в значительной степени интересовало средневековых теологов. Способность удивительного события преподнести душеспасительный урок является одним из свидетельств истинности происшествия. Неудивительно, что и Бернар старался разъяснить моральную ценность совершенных Фидой чудес. Так, воскрешение мула укрепляет веру людей в грядущее воскрешение¹⁷, а к статуе святой благочестиво обращаются верующие, моля об отпущении грехов¹⁸.

Но еще большую ценность событию придает его *связь с миром высших религиозных истин*. Такую связь для чудес св. Фиды пытается установить и наш схоластик. Так, уже не раз упомянутая нами история о воскрешении Фидой мула представляется Бернару иносказанием грядущего воскрешения плоти. Кто станет сомневаться в грядущем воскрешении, если сейчас на наших глазах воскресают даже животные?¹⁹ Кроме того, это чу-

до знаменует собой заботу Бога о всякой твари, разнообразие и непостижимость его промысла²⁰: вырванные глаза Витберта подобрала с земли и унесла птица; при этом одни свидетели этого происшествия утверждали, что птица была голубкой, а другие увидели сороку. Но Бернар легко разрешает это противоречие. Виновник преступления видел сороку, а те, кто виновен не был, — голубку. Ведь Бог, как известно, “*impiiis terribilis, mitis vero apparebit justis*”²¹. Поэтому разные люди видели разных птиц.

Следует сразу сказать, что эти доказательства (установление библейской параллели, установление моральной ценности, выявление сакрального смысла) не являются частью основного повествования, они обычно даются дополнительно. Именно эта информация зачастую опускается (или же, наоборот, добавляется?) при копировании манускрипта — как это произошло с авторскими замечаниями к рассказам о чудесах св. Фиды. Например, есть более доступное издание “Книги чудес” авторства Бернара (в Патрологии Миня), однако оно базируется на другой рукописи (так называемом *codex Chiffletianus*), в которой отсутствуют развернутые доказательства истинности чудес, представляющие для нас основной интерес.

Так можно ли считать эти три разновидности доказательств-дополнений... своеобразным толкованием? Комментарием? В каком-то смысле, да. Ведь таким образом ученый текст “осмысляет”, “критикует” рассказы, принадлежащие другой традиции, “поясняет” коды поведения, чуждые ученому сознанию. Иначе говоря, несмотря на то, что данный элемент не оформлен как комментарий (глосса, примечание), он, с нашей точки зрения, является частью метатекстуальных отношений текста с другими текстами, не только письменными, но и устными. В данном случае комментарий становится одним из способов включить событие в ученый универсум, центром которого является Священное Писание. Чудеса св. Фиды, для которых был найден библейский прообраз, которым была приписана моральная ценность, которые, как оказывается, являются выражением высшей истины, перестают быть скандальными, неслышанными. Они становятся частью авторитетной традиции. Далее мы будем рассматривать приводимые Бернаром доказательства истинности чудес Фиды именно как “комментарий”.

Исследованные нами способы комментирования рассказов о чудесах совпадают... со знаменитыми способами толкования

Священного Писания! Как известно, любой текст Писания в Средние века истолковывался буквально, духовно и мистически, получая в общей сложности четыре интерпретации: буквальную, аллегорическую, моральную и анагогическую²². Существовала также тенденция подобного истолкования и мирских текстов, выраженная, впрочем, довольно слабо. Тогда как Бернар Анжерский применяет способы в высшей степени ученого комментирования к простонародным рассказам!

Но даже если аналогия с комментированием Священного Писания в большой степени условна, комментарий все равно является одним из наиболее маркированных элементов ученой культуры, тем средством, при помощи которого она “приобщается” к традиции и “общается” внутри себя самой. Вспомним знаменитые глоссы Петра Ломбардского, воплощение средневековой учености. Но комментарий, как мы постарались показать, — это не только способ автокоммуникации ученой культуры. Материалом для комментирования может стать любой текст, не обязательно ученый. При этом “власть” самого комментария оказывается настолько сильной, что даже сомнительный простонародный рассказ может стать приемлемым для ученой аудитории: аутентичным, достоверным, а следовательно, и авторитетным²³. Оппоненты Бернара, сомневающиеся в аутентичности его повествования, уже снабженного соответствующим толкованием, “изгоняются” из ученого круга, приравниваются к вилланам, чуждым всякого знания, и к фарисеям. И если кто-то захотел бы уличить Бернара в рассказывании пустых басен, ему пришлось бы опровергать уже не сам факт, но комментарий к нему.

Произведение Бернара Анжерского не является чем-то исключительным. Использование аллегорических, тропологических, анагогических комментариев для того, чтобы поместить простонародный рассказ в контекст ученой культуры, было, вероятно, распространенной практикой. Так, в анонимном отчете о жизни и чудесах Фомы Кантилупского, составленном в ходе канонизационного расследования (между 1318 и 1320 гг.), именно благодаря “аллегорическому” комментированию устраняются возможные сомнения в истинности собранных автором чудес²⁴. “Анагогический” комментарий позволяет Цезарию Гейстербахскому включить вполне фольклорный рассказ о самке лебедя, убитой за измену, в часть сборника, посвященную чудесам²⁵.

“Моральный” комментарий активно использовали авторы текстов видений. Правдивость видения подтверждалась раскаянием самого визионера, его “обращением”, а также тем, какой душе-спасительный урок этот рассказ преподал его слушателям²⁶.

Итак, комментарий — это универсальный инструмент, при помощи которого ученая культура налаживает диалог со своими “соседями”, точнее говоря, при помощи которого она легко присваивает изначально чуждые ей элементы или же, наоборот, позволяет народной культуре воспользоваться частичкой собственных “богатств”.

- 1 См.: Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры // Гуревич А.Я. Избранные труды: культура средневековой Европы. СПб., 2006. С. 20.
- 2 Как, например, сделал Гвиберт Ножанский в своем знаменитом произведении “De pignobibus sanctorum” (XII в.).
- 3 Святая Фида (Фуа, Вера) приняла мученическую смерть в 13-летнем возрасте, в конце III или в начале IV в. Мощи святой находятся во французском городе Конке (Conques), куда они были перенесены (точнее говоря, похищены) в 866 г. из Ажана (Agen). Знаменитая золотая статуя-реликварий Фиды (ок. 1000 г.) — замечательное произведение романского искусства.
- 4 Liber Miraculorum Sanctae Fidis, publié d’après le manuscrit de la bibliothèque de Schlestadt / Ed. A. Bouillet. P., 1897. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц.
- 5 Пустыми баснями (лат.). P. 2.
- 6 ...precor ut fidem relatu pleno corde accomodetis... ne intempestive falsum judicetis inexperti, cujus veritatem ultro propalabis experti (Прошу Вас всем сердцем поверить рассказанному... и раньше времени не счесть ложным то, истинность чего Вы обнаружите сами, получив обо всем полное представление, — P. 4).
- 7 Schlestadt (Sélestat), Bibliothèque Humaniste, ms 22.
- 8 Hic ergo de virtutibus sanctae Fidis... sollicite cepi inquirere, tanta a diversis reatoribus miraculorum affluentia habundavit, ut nisi audiendi ardens esset animus, nimio tedio afficerent cerebrum (Итак, я начал самым тщательным образом расспрашивать о достоинствах святой Фиды; и на меня обрушился такой поток рассказов о чудесах, что если бы сердце мое не так пламенно жаждало слушать, то мозг от утомления перестал бы воспринимать услышанное, — P. 2).
- 9 Quae, quia partim vulgarium fama celebrari videbantur, partimque inaudita habebantur, haut aliter quam inanis fabulae commenta a fide rejiciebantur (Отчасти казалось, что такие рассказы распространяются простонародьем, отчасти

- же они воспринимались как нечто неслыханное, и потому — как пустые басни — на веру не принимались, — P. 2).
- 10 Quod cum sapientibus videatur haud injuria esse superstitiosum, videtur enim quasi priscae culturae deorum vel potius daemoniorum servari ritus, mihi quoque stulto nichilominus res perversa legique christianae contraria visa nimis fuit... (Поскольку людьми мудрыми он <обычай воздвигать из золота и серебра статуи, хранящие частицу мощей святого. — В. С.> по праву считается суеверием, чем-то вроде дошедшего до наших дней ритуала поклонения богам или, лучше сказать, демонам, то и мне, глупому, он казался вредным, противоречащим законам христианства, — P. 47).
 - 11 Nam sicubi in hac patria vel rarus divulgatur grammaticus, nescio pigriciae ignavia an dictandi ignorantia... (И поскольку в этой области люди, сведущие в грамматике, изрядная редкость, уж не знаю, из-за порождаемого ленью бездействия или же из-за неумения писать... — P. 15).
 - 12 А вам известен, — говорит, — некий Бернар, который в этом году вернулся из Конка? Сколько же лжи он там понаписал о святой Фиде! В самом деле, как можно поверить в восстановление вырванных глаз и в воскрешение животных? Слышал я, что святая Фида некогда явила знамения, подобные чудесам других святых, но сколь редкостные это были чудеса! А вьючных животных по каким причинам, за какой надобностью Богу воскрешать? (P. 31).
Сразу отметим, что оппонент Бернара подверг сомнению как раз те чудеса, которые и самому Бернару казались, вероятно, наиболее сомнительными. По крайней мере, именно их подлинность он доказывает наиболее рьяно, и именно из этих текстов мы будем черпать наиболее яркие примеры его подхода к сомнительным чудесам.
 - 13 Итак, в области Рутенской (графство Руэрг. — В. С.), где и блаженная дева Фида почит, по соседству с Конком, жил и по сей день живет некий пресвитер по имени Геральд, у которого был кровный родственник и духовный сын по имени Витберт (P. 7).
 - 14 Nec mirum si Deus aliti picae in deserto [oculos] servandos credidit, qui per corvus olim victum Heliae in deserto prebuit... (Неудивительно, что ныне Бог поручил крылатой сороке стеречь глаза в месте пустынном, раз некогда он при помощи воронов Илию в пустыне питал, — P. 9).
 - 15 In quo nichil eo inferius gestum miraculum, quod in Evangelio de ceco nato legitur, et etiam multo mirabilius, cum siquidem ipsa Veritas sequaces suos majora utique quam se facturos esse promiserit, inquiens: “Qui credit in me...” (Joan., XIV, 12) (Свершившееся чудо не только ни в чем не уступает описанному в Евангелии чуду о слепом от рождения; оно даже более чудесно, ибо Тот, Кто сам является Истиной, обещал, что последователи его смогут сделать больше, чем он сам: “Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит; потому что я к Отцу моему иду, — P. 15).
 - 16 Siquidem beati Silvestri precibus bovem olim revixisse credimus. Qua vero ratione vel necessitate Deus hoc fecerit, si idiota noster extat ignarus, recurat ad antiquariam

- paginam. Quod si literarum rudis nec ibi recognoscit, noverit se ad comparationem sapientum esse animal brutum, et omnino indignum, qui de divinis causis disputare debeat (Мы ведь верим в то, что по просьбе святого Сильвестра некогда был воскрешен бык. И если наш неуч до сих пор не знает, по какой причине, по какой необходимости Бог это сделал, пусть обратится к сочинению, повествующему о тех древних временах. Если же и тогда невежда ничего не поймет, пусть знает, что по сравнению с людьми учеными он сам — грубое животное, о божественных причинах рассуждать совершенно недостойное, — Р. 33).
- 17 Caeterum resurrectionis humanae spem majori certitudine retinemus, si jumenta homini inferiora a morte excitari aliquando videmus (Кроме того, мы будем с большей уверенностью надеяться на наше собственное грядущее воскрешение, если увидим, как животные, которые ниже нас, возвращаются к жизни, — Р. 32); Nulla igitur animi dubietate accipiendum, si per sanctam Fidem ad salutem animarum fidelique argumentum mortua vitalibus auris animalia restituit ille qui est omnipotens... (Итак, должно без малейшего колебания духа верить в то, что через святую Фиду — для спасения душ и убеждения верующих — мертвых животных возвращает к жизни Тот, Кто всемогущ... — Р. 34).
- 18 Статуя святой, которую Бернар поначалу считал “продуктом” язычества и простонародных суеверий, также включается в универсум одобренных изображений благодаря своей моральной ценности и совершенным чудесам: “neque id esse spurcissimum ydolum... sed sanctae virginis piam memoriam apud quam multo decentius ac copiosiore fidelis cordis compunctione, ejus pro peccatis efficax imploretur intercessio” (это не мерзкий идол... но изображение, посвященное памяти святой девы, к нему следует припадать со всевозможным почитанием и глубочайшим сердечным раскаянием, моля о вспомоществовании в избавлении от грехов, — Р. 49).
- 19 Absit ut erubescam veritatem tuam, Christe, confiteri hominibus et in libro meo scribere, ne et tu ipse coram Patre tuo, qui est in celis, me confiteri erubescas et de libro tuo, quem scripsisti, deleas. Sed ut ad finem verborum properemus, quis insanus ultra hominum resurrectionem fore dubitet in futuro, quando jam in praesenti resurgunt etiam animalia? (Да не устыжусь я истину твою, Иисус, исповедовать людям и записать в моей книге, и ты перед лицом Отца своего, который на небесах, выслушав исповедь мою, да не устыдишься, и из книги своей меня да не вычеркнешь. Но буду краток: какой безумец будет и дальше сомневаться в воскрешении людей в будущем, если уже в настоящем воскресают даже животные, — Р. 24).
- 20 ...neque videatur inauditum si meserico[r]s rerum conditor suae multimodae prospicit creaturae, cum scriptum sit: Homines et jumenta salvabis, Domine (Psalm XXXV 7) (и пусть не кажется неслыханным, что милосердный создатель всего сущего заботится о разных своих творениях, как о том написано в Псалме: Человеков и скотов хранишь ты, Господи! — Р. 21).
- 21 ...ut divinitas voluit, ales dubia venit, quae nec bene pica, nec bene columba animadverti potuit, verum inter utriusque avis quaelitatem non ambigua fuit discretio, cum hi quidem candidatam columbam, ille vero non aliud se vidisse perhibet, quam picam nigro distinctam et albo. Sed quia Deus impiis terribilis, mitis vero apparebit justis, fieri potuit ut insontibus quidem ac pro viso scaeleri tacita conscientia ingemescentibus, candida species visa fuerit, scelerato vero confusa (...по воле Божией прилетела птица двойственная, в которой нельзя было однозначно признать ни сороку, ни голубку, хотя между этими птицами существуют несомненные отличия. Между тем несколько человек видели белоснежную голубку, а один утверждал, что видел не что иное, как черную с белым сороку. Но поскольку Бог грешникам предстает грозным, а праведникам — тихим и ласковым, могло случиться так, что людям невиновным и об увиденном преступлении в душе сокрушавшимся был явлен образ светлый, а преступнику — как бы смешанный, — Р. 9).
- 22 Аллегорическое толкование устанавливало аналогю между текстами Нового и Ветхого заветов, нравоучительное (тропологическое) толкование предлагало образец поведения для доброго христианина, анагогическое раскрывало сакраментальную духовную истину.
- 23 Истинность и авторитетность в те времена понимались как синонимы: “Книги достоверные, то есть исполненные авторитета” — так уже в IX в. понятие истинности определил Ремигий Оксеррский. Подробнее см.: *Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.*
- 24 Так, чудо о “ребенке, рожденном без языка, но начавшем говорить после паломничества к могиле святого и предъявившем затем нормальный язык” может показаться неправдоподобным. Но поскольку чудеса о даровании немому речи встречаются в Евангелии и в диалогах Григория Великого, сомнения относительно истинности данного чуда считаются разрешенными. «А тому, кто будет сомневаться в произошедшем, да будет сказано, что чудеса о языке — о даровании немому речи — мы знаем из Евангелия (Мф. 9 и Мк. VII). Также чудесным образом на разных языках стали говорить апостолы — из второй главы Деяний: “и явились им разделяющиеся языки как бы огненные, и почил и т.д.”. Также рассказывал блаженный Григорий в книге третьей “Диалогов” о неких африканских епископах, которых король вандалов не мог склонить к арианской ереси и потому приказал вырвать им языки и которые потом чудесным образом в защиту истины и без языков говорили так, как разговаривали раньше, имея языки» (Miraculum 9, Rapport d’un curialiste sur la vie et les miracles de s. Thomas de Cantilupe évêque de Hereford (+ 1282). Перевод с лат. выполнен по: *Vauchez A. La sainteté en occident aux derniers siècles du Moyen Âge. Rome: École française de Rome, 1998. P. 647.*
- 25 “Новиций: Я полагаю, что эта ревность заключает в себе какую-то священную истину. Монах: Правильно полагаешь. Ведь в Писании Господь часто сравнивал себя с птицами. Супруга его (Господа. — В. С.) — чистая душа. А измена ее — это всякий смертный грех, через который он (человек. — В. С.) от Бога отдалается и с дьяволом соединяется (лат.)” — Caesarii

Heisterbachensis monachi ordinis Cisterciensis Dialogus Miraculorum: 2 vols. / Ed. Strange J. Cologne. Bonn; Brussels, 1851. Vol. II. Dist. X. Cap. LX.

- ²⁶ Автор видения Туркилла подтверждает аутентичность видения следующим образом: “Неудивительно, что хоть многие и подвергают сомнению или даже отрицают это видение, бывшее в наших краях в год от Воплощения Христова 1206, но еще больше тех, кто, отличаясь более здравым рассудком, более острым умом, более благочестивой жизнью, этому видению верят — как по причине простоты и непорочности мужа, которому это видение было, так и потому, что многие, кто узнал из рассказов об указанном видении, получили не меньшую пользу, изменив свою жизнь... (лат.)” — *Visio Thvkilli relatore, vt videtur, Radulpho de Coggeshall / Ed. P.G. Schmidt. Leipzig, 1978. Перевод выполнен по: Carozzi C. Le voyage de l'âme dans l'au-delà. D'après la littérature latine (V^e–XIIIe siècle). Collection de l'École Française de Rome, 189. Rome, 1994. P. 512.*

О.С. Воскобойников

ФОРМЫ КОММЕНТАРИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ВЕРОУЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIII ВЕКА

С ОПРЕДЕЛЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, средневековая культура была огромным, многовековым комментарием к одному тексту — Библии. Никто, однако, не будет отрицать уникальность и оригинальность этой культуры, ее способность к динамическому, творческому развитию. История библейской экзегетики, которая всегда привлекает внимание исследователей, демонстрирует жизненные силы этой культуры, ориентированной на комментарий¹. Более того, всякий, кто знаком со схоластической мыслью, знает, что именно комментарий считался в науке и преподавании “оригинальным” произведением, в котором, в отличие от обобщающих сумм, чаще всего выдвигались новаторские идеи.

Эта особенность средневекового мировоззрения сочеталась с другой важнейшей его составляющей: дидактичностью. В той или иной степени она присутствует едва ли не во всех литературных жанрах и в изобразительном искусстве. Нас же сейчас интересует определенный тип религиозной литературы, который хочется охарактеризовать как *веручительный*. Под произведениями подобного рода мы подразумеваем не ученое богословие, считавшееся доступным лишь немногим, вершиной монашеской, а потом и университетской науки. Его авторитетность никто не оспаривал, но широкие слои верующих, как мирян, так и клириков, нуждались в наставлениях несколько иного характера. Поэтому большое распространение в XII–XIII вв. получили комментарии на такие основополагающие для христианства, но небольшие по объему тексты, как Символ веры (“Верую”), молитва “Отче наш” и т. п. Интересно, что Символ веры комментировали крупнейшие мыслители XIII столетия (Фома Аквинский, Бонавентура, Роберт Гроссетест и другие), но далеко не только они. На одном из таких комментариев, но вышедшем не из университетской среды, нам и хотелось бы остановиться.